

«МИНУВШЕЕ МЕНЯ ОБЪЕМЛЕТ ЖИВО...» (на 210-ю годовщину Пушкина)

Н.В. Масленникова

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастёшь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Весёлых и приятных мыслей полон,
Пройдёт он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

А.С. Пушкин. «...Вновь я посетил»

Воспоминания — жанр особый. Они несут с собой аромат эпохи, тот самый неповторимый дух времени, который так дорог любопытствующему сердцу потомков. Они передают неуловимые на застывших лицах портретов и фотографий, живые черты великих и малых предков наших, связуют поколения и эпохи, оплодотворяют нашу память, наполняя её истиной минувшего. Они восстанавливают нить родства, тем самым как бы уплотняя время. Воспоминания — жанр свободный, не стесненный жесткими рамками канонов; часто воспоминания подвластны ассоциациям: взгляд, нечаянно упавший на какой-то предмет, терпкий запах духов, музыка, живописное полотно... — всё, всё может таинственно всколыхнуть нашу память, и двинется вспять «река времён», и принесёт из глубин своих ушедшее, милое, трогательное, счастье и горе, улыбки и гримасы, победы и поражения и многое-многое из того, что хранит в себе человек чаще не востребоваанным. Но в истории каждого народа, впрочем, как и в жизни каждого из нас, есть

особые дни памяти, когда главное место принадлежит воспоминаниям и только им. Один из таких дней — 26 мая ст.ст., день явления в мир земной раба Божия Александра, сиречь Пушкина.

Традиция всенародного чествования поэта в этот день родилась на его родине, в Москве, во время открытия памятника Пушкину, которое и было приурочено к 26 мая. Однако из-за кончины 22 мая императрицы Марии Александровны, пушкинские торжества были отодвинуты на 6 июня 1880 г. С особой ностальгической остротой переживался этот день в Русском рассеянии — День Русской культуры, именно так величали сей праздник русские беженцы от Харбина до Парижа. Вольнее всего в этот день дышится в Святых горах, у могилы поэта за алтарём Успенского собора в сельце Михайловском*, на берегу Сороти, в окрестных рощах... В 1918 г. Михайловское, Тригорское, Петровское подверглись погрому и разграблению, тогда уцелел лишь домик няни, всё остальное было разрушено; а в Святогорском монастыре квартировала Башкир-

* В мае 1889 г. Высочайшим указом Великому князю Константину Константиновичу Романову всемистивейше повелено было быть президентом Императорской академии наук; до кончины своей в 1915 г. К.Р. Занимал этот пост. В Отделении русского языка и словесности академии он создал «особый Разряд изящной словесности», многие известные литераторы тогда стали членами Академии. Великий князь убедил государя в необходимости устройства всенародных торжеств по случаю 100-летия А.С. Пушкина, он же возглавил Комитет по проведению праздника.

Именно Константину Константиновичу мы обязаны тем, что в Санкт-Петербурге, в России был создан «Пушкинский Дом» — это научно-исследовательская с архивами и музеем институция, перед которой были поставлены задачи изучения и издания наследия Пушкина. Казна приобрела Михайловское, могила поэта была взята под охрану государства; К.Р. был инициатором ещё многих юбилейных акций: например, была выпущена медаль «За отличие» выпускникам учебных заведений, невиданным прежде тиражом издана «Песнь о вешем Олеге» с чудесными рисунками В.М. Васнецова, а также сборник «Пушкин и его современники» и т.д. Особенно почитал Пушкина четвёртый сын К.Р. Олег Константинович. Немного совершил он за свои 22 года, но успел начать дело великое: выпускник Императорского лицея, в год столетия оно, Великий князь Олег задумал *факсимильное издание всех рукописей Пушкина*. В 1912 г. появился первый выпуск. 29 сентября 1914 г. князь Олег Константинович погиб. Увы, но и по сию пору это замечательное начинание Великого князя Олега так никем и не завершено.

ская дивизия^{2*}. И какое любопытное совпадение почерков — космополиты-сатанисты, как смогли, надругались над русскими святынями. В Великую Отечественную Михайловское, заповедные пушкинские пределы были стёрты с лица земли, могила поэта осквернена и заминирована... бои здесь были жестокие... Когда читаешь о разрушениях этих мест, рассматриваешь фотографии, не оставляет мысль о целенаправленном, специальном кощунстве, акте богоборчества, глумлении над великой православной культурой России, душой народа. И когда осознаешь, что *уже в июне 1949 г.*^{3*}, к 150-летию А.С. Пушкина, подобно птице Феникс, восстала из пепла, как будто ожила «милая старина» — «приют спокойствия, трудов и вдохновенья», скромная усадьба поэта, домик няни (до 1944 г. это была единственная сохранившаяся постройка пушкинского времени), парк, параллельно шли реставрационные работы в монастыре, — всё было восстановлено, невольно вспоминаешь с благодарностью сердца Семёна Степановича Гейченко (1903–1993).

«Я хорошо помню прекрасный июньский полнокровный день Пушкинского народного праздника, — писал о торжествах 12 июня 1949 г. поэт Михаил Дудин. — Я нарочно подчёркиваю н а р о д н о г о, потому что на нём, в этот благословенный день, наполненный солнцем и грозой, ливнями света и радугами, свистом птиц и пересверком молний, всех — и почтенного академика, и колхозника — объединяла одна святая любовь к чуду своего народа, к чуду своего языка — к вечному Пушкину... И среди радостной, восхищённой и зачарованной толпы то тут, то там мелькала сухая высокая фигура резкого в движениях человека с выразительным острым лицом, с доброй улыбкой и густым напылом русых волос, спадающих на глаза. Он то и дело поправлял их или единственной, правой рукой, или характерным взмахом головы. Он объяснял, советовал, показывал. Он был весь в движении. И незримое чувство удовлетворенности содеянным, может быть даже неосознанное, делало его прекрасным»¹, — таким в тот день Дудину запомнился С.С. Гейченко (до 1989 директор

Пушкинского заповедника, отдавший жизнь свою возрождению русского национального самосознания, русского духа). И нам он запомнился таким же, но уже в 1967; а потом — в 1991 г., Семён Степанович выступал тогда на празднике, водил нас по Михайловскому. Рассказы Гейченко удивительны, буквально переполнены чудесными событиями.

Вспомним один из них: «— Скажите, могу я видеть директора Пушкинского заповедника? — спросил пожилой человек, входя в мою квартиру. Неизвестный назвался Суреном Тиграновичем Захарьяном... — Вот какое дело, — сказал он, осторожно разворачивая свёрток и бережно вынимаемая из него какую-то книгу в изрядно потёртом переплёте. — Эта книга — из библиотеки вашего заповедника. Приобрёл я её случайно, осенью 1944 года, при довольно интересных обстоятельствах. В то время я служил полковым врачом. Однажды наша часть остановилась в небольшом местечке за Вислой. Воспользовавшись относительным затишьем, я захотел что-нибудь почитать... мой связной сказал, что недавно на дороге, по которой удирали гитлеровцы, он подобрал одну очень интересную книжку... Скоро я держал в руках солдатскую находку. Это была старинная книга, издания 1836 г., 15-й том “Библиотеки для чтения” Смирдина. ...я взглянул на титул и увидел на нём фиолетовый штамп: “Библиотека музея Пушкинского заповедника, инвентарный № 1246”. Из газет я уже знал, что, отступая из Михайловского, гитлеровские захватчики разорили музей, а библиотеку увезли с собой в Германию... С тех пор эту книгу я храню как реликвию военных лет. Недавно у меня появилась возможность осуществить давнишнюю мечту — побывать в заповедном уголке на Псковщине. И вот я здесь, и книга со мною. Прощу Вас принять её... Я рассказал лишь про один эпизод. А сколько было подобных случаев! Сколько людей, живущих в разных концах нашей Родины, передали в заповедник бесценные реликвии пушкинской эпохи. Всех их объединяет любовь к великому поэту и патриотическое сознание, что *всё, что делается ради Пушкина, — благо*»² (Курсив наш. — Н.М.).

^{2*} В 1922 г. Совнарком принял решение о национализации Михайловского, Тригорского и могилы Пушкина в Святогорском монастыре.

^{3*} 21 апреля 1945 г. Президиум Академии наук СССР принял решение о срочном восстановлении Пушкинского заповедника; в мае С.С. Гейченко был назначен его директором. 17 июля 1945 г. Президентом АН СССР стал академик С.И. Вавилов, он активно поддерживавший Гейченко, заслуги которого в музейном деле хорошо знал.

¹ Дудин М. На земле поэзии // Приют, сияньем муз одетый. М., 1988. С. 17.

² Гейченко С.С. Михайловское // Приют, сияньем муз одетый. С. 73.

И ещё с одним русским подвижником благочестия подарило Проведение в те дни встречу. То был выдающийся пушкинист, гвардии подполковник Андрей Андреевич Черкашин (1919–1993), восстановивший в дотошных деталях родословную поэта и показавший, что Пушкин прямой потомок Рюрика³. По прямой линии у него в роду 12 святых, а вкупе с боковыми — 40. Труд Черкашина необъятен, многие отмечали, что под силу он был лишь целому научному институту; но, когда призывает Господь, преграды отступают. Андрей Андреевич рассказывал, как пришло решение заниматься Пушкиным, поистине неисповедимы пути Божии. Он воевал: 107 Сибирская стрелковая дивизия после боёв под Ельней стала 5-й гвардейской. В декабре 1941 г. бились с немцами в Полотняном заводе у Малоярославца, там-то и встретил молодой боец одного старожилы, который рассказал, что это за места, в октябре 1812 г. тут располагался штаб М.И. Кутузова, здесь выросла Н.Н. Гончарова, здесь бывал Пушкин... Тогда-то и дал он себе слово — коли суждено выжить в этой страшной войне, станет изучать наследие поэта. По сути, то было не просто слово, то был *обет*. Поразителен характер русский — так родился ещё один подвижник. Ведь Андрей Андреевич был военным, и только в 1962 г. вышел в отставку. К сожалению, книга Черкашина вышла посмертно, денег не нашлось, чтоб издать ее в то время (да и зачем Пушкин «молодым хозяевам» Земли Русской?! Но Промыслом Божиим книга всё же увидела свет в канун 200-летия поэта, она вышла в издательстве «Либерия»; а тогда, в 1991 г. — скромный буклетик «Потомок двенадцати святых» (1990) с портретом Пушкина кисти Тропинина на обложке. Зато раскроешь его — и внутри тысячелетнее древо (сокращённая схема) «Святые корни русского поэта» и анонс: «Полная родословная А.С. Пушкина будет опубликована в 1990 г.».

И, конечно, тогда же незабываемая встреча со знаменитым правнуком Пушкина Григорием Григорьевичем Пушкиным (1913–1997). Не ошибёмся, если скажем, что его знала вся литературная Москва, нередко его можно было видеть в пушкинские дни раздающим автографы на Страстной (Пушкинской площади) у опекушинского

памятника, часто приезжал он и в Михайловское. Удивительно похож бывал он в иные мгновенья на своего прадеда, кстати, о нём всегда почтительно говорил или «Пушкин», или «Александр Сергеевич», никогда не подчёркивал своего родства — высокой культуры был человек, настоящий аристократ, хотя повторял: «Я пролетарий»; открытый, весёлый, широкой души, добрый, общительный, гордый на разговоры, в дискуссиях пушкинистов почти не принимал участия, крепко дружил и с Гейченко, и с Черкашиным, которого ему даже пришлось защищать, ибо нечистоплотные умельцы-«пушкинисты» попытались украсть труд учёного, присвоить его разыскания родословной Пушкина. Объединяло этих людей не только искреннее почитание Русского Гения, но у них словно бы одна душа была — чистая детская, светлый взгляд, лучистая улыбка, честь и благородство, открытое сердце и горячая любовь к народу и Отечеству своему. За плечами у всех — война, тернистый жизненный путь, но путь, пройденный вместе с Пушкиным! В 1999 г., в год 200-летия поэта, никого из них уже не было в мире дольнем, и как будто осиротело Михайловское... дух источился.

Пожалуй, пушкинистика России — самая обширная ветвь нашей историко-филологической науки, и зародилась она ещё при жизни поэта, тогда же пришло и признание, вся Россия читала Пушкина. Пласт воспоминаний о нём занимает весьма большое место в пушкиниане — писали друзья и недруги, близкие и далёкие, критики, поэты, публицисты, учёные...

Он и сам любил внимать «преданьям старины глубокой». Вяземский вспоминал, что «Пушкин заслушивался рассказами Натальи Кирилловны [Загряжской], он ловил в ней отголоски поколений и общества, которые уже сошли с лица земли; он в беседе с нею находил прелесть историческую и поэтическую, потому что в истории много истинной и возвышенной поэзии, и в поэзии есть своя доля истории»⁴.

В светлый праздник рождения Пушкина обратимся лишь к некоторым из рассказов о нём, безусловно, хорошо известным специалистам, но, возможно, ускользнувшим от внимания широкой читательской аудитории. И, кстати, добавим,

³ См.: Черкашин А.А. Тысячелетнее древо Пушкина. М., 1998.

⁴ Вяземский П.А. Старая записная книжка // Полн. собр. соч. кн. П.А. Вяземского. Т. 8. СПб., 1883. С. 418.

что практически во всех воспоминаниях русских XIX–XX вв., о чём бы ни шла в них речь, в именных указателях обязательно встретится имя Пушкина.

На протяжении почти трёх лет с 1878 по 1880 г. в журнале «Русский вестник» публиковались «Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово»⁵: отдельным изданием книга вышла в 1885 г. Елизавета Петровна Янькова-бабушка (1768–1861) не была личностью знаменитой, но среди старомосковского общества выделялась; происходила она из старинного и знатного рода Римских-Корсаковых, чем по праву без гордыни гордилась. В предисловии к семейным мемуарам Д. Благово, между прочим, справедливо указывал на ценность подобных книг: «Все те мелочные подробности ежедневной нашей жизни, которыми мы пренебрегаем в настоящее время, считая их излишними и утомительными, становятся драгоценными по прошествии столетия, потому что живо рисуют перед нами нравы, обычаи, привычки давно исчезнувшего поколения и жизнь, имевшую совершенно другой склад, чем наша»⁶. И на страницах этой *домашней* хроники автор-рассказчица уделила внимание юному Пушкину, являя в своей памяти драгоценные черты его облика: «Года за два или за три до французов, в 1809 или 1810 г., Пушкины жили где-то за Разгуляем, у Елохова моста, нанимали там просторный дом... Я туда ездила со своими старшими девочками на танцевальные уроки... Пушкины жили весело и открыто, и всем домом заведовала больше старуха Ганнибал, очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела дом вести как следует, и она также больше занималась и детьми: принимала к ним мамзелей и учителей и сама учила. Старший внук её Саша был большой увалень и дикарь, кудрявый мальчик лет девяти или десяти, со смуглым личиком, не скажу, чтобы слишком приглядным, но с очень живыми глазами, из которых искры так и сыпались. Иногда мы приедем, а он сидит в зале в

углу, огорожен кругом стульями: что-нибудь накурлесил и за то оштрафован, а иногда и он с другими пустится в плясы, да так как очень он был неловок, то над ним кто-нибудь посмеется, вот он весь покраснеет, губу надует, уйдёт в свой угол, и во весь вечер его со стула никто тогда не стащит: значит, его за живое задела, и он обиделся; сидит одинешенек. Не раз про него говаривала Марья Алексеевна: «Не знаю, матушка, что выйдет из моего старшего внука: мальчик умён и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком: то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернётся и расходится, что его ничем не уймёшь; из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем это всё кончится, ежели он не переменится». Бабушка, как видно, больше других его любила, но журила порядком: «Ведь экой шалун ты какой, помяни ты моё слово, не носить тебе своей головы»⁷.

В 1931 г. известный пушкинист Мстислав Александрович Цявловский (1883–1947) выпустил в кооперативном издательстве «Мир» «Книгу воспоминаний о Пушкине». В ней были собраны рассказы о поэте из русских газет и журналов с 1837 по 1899 г., после того никогда не перепечатывавшиеся. Да и книга Цявловского также более не переиздавалась, правда, отдельные фрагменты из неё публиковались, например, в объёмистом сборнике «Пушкин в воспоминаниях современников» (СПб., 1998; М., 2005). За малой доступностью издания Цявловского, обратимся к некоторым страницам этого тома.

Н.А.Б. «Воспоминания о Пушкине»^{4*}.

«Я был очень молод и готовился ко вступлению в университет, когда познакомился с Пушкиным случайно, хотя он был мне сродни. Однажды, вечером, сидел я у кн. О...^{5*} — Пришёл Пушкин. Хозяин обратил его внимание на меня, сказав, что печатаются первые мои словесные опыты; — что они переводные; но что я стараюсь избегать упо-

⁵ Рассказы бабушки. Сер. Литературные памятники. Л., 1989.

⁶ Рассказы бабушки. С. 8.

⁷ Там же. С. 338.

^{4*} Имя автора этих воспоминаний, опубликованных в газете «Весть» 1864. № 45. 8 ноября, неизвестно.

^{5*} Князь Владимир Фёдорович Одоевский (1803–1869) — писатель, общественный деятель и музыкальный критик; автор знаменитого некролога Пушкину, напечатанного в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» Краевского (1837. № 5. 30 января): «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость! наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина?.. К этой мысли нельзя привыкнуть! 29 января. 2 ч. 45 м. пополудни».

требления иностранных слов, заменяя их — с грехом пополам — русскими. Пушкин похвалил меня; но прибавил, что, в подобном стремлении, надо быть очень осторожным. Помолчав немного, он продолжал так:

“Да!.. притязания Шишкова^{6*} были во многом смешны; но и во многом он был прав. Требовать отмены всех иностранных выражений — в особенности заимствованных из древних языков, вкоренившихся у нас, сделавшихся принадлежностью нашей мысли, просто — глупость. Но не менее глупо употреблять иностранные выражения, когда у нас есть свои собственные. Впрочем, на это существуют правила. Вот как я их понимаю:

Всё, что мы ни выговариваем, выражает: или имя собственное, или название предметов, или понятия.

Имена собственные следует переводить как можно звукоподражательнее. На это чрезвычайно способен наш язык.

Названия предметов могут быть, иногда, удержаны и иностранные. Как скоро, при введении в употребление нового предмета, не прибрано тотчас для него приличного названия — употребляйте чужестранное; употребляйте его до той поры, пока у кого-нибудь с языка не сорвётся счастливое выражение, которое без натяжки, само собою, войдёт в общее употребление.

Что же касается до понятий... О!.. это совсем иное дело. — *Понятия суть принадлежность разума. Кто выражает какое-либо понятие иностранным словом, тот — или свидетельствует о собственном невежестве... тогда не смей братья за перо; — или порочит разум своего народа, доказывая, что этот*

^{6*} Александр Семёнович Шишков (1754–1841) — адмирал, государственный секретарь, министр народного просвещения, писатель и лексикограф, президент Российской академии; горячий ревнитель чистоты языка русского и русской культуры, веры православной, защитник языка церковнославянского как богослужебного. В стараниях Библейских обществ перевести Священное Писание на русский язык справедливо усматривал грубое кощунство и покушение на традиции отечественного благочестия. Приведем лишь два высказывания Шишкова по вышеозначенным вопросам. «Я почитаю язык наш столь древним, что источники его теряются во мраке времён; столь в звуках своих верным подражателем природы, что, кажется, она сама его составляла; столь изобильным в раздроблении мыслей на множество самых тонких отличий, и вместе столь важным и простым, что каждое говорящее им лицо может особыми, приличными званию своему словами объясняться; столь вместе громким и нежным, что каждая труба и свирель, одна для возбуждения, другая для умиления сердец, могут находить в нём пристойные для себя звуки.

И наконец, столь правильным, что наблюдательный ум часто видит в нём непрерывную цепь понятий, одно от другого рожденных, так что по сей цепи может восходить от последнего до первоначального её, весьма отдалённого звена...

Язык наш превосходит, богат, громок, силён, глубокомыслен. Надлежит только познать цену ему, вникнуть в состав и силу слов, и тогда удостоверимся, что не его другие языки, но он их просвещать может... С нашим языком, вникая в него глубже, можем мы без заимствования корней у других, насаждать и разводить великолепнейшие вертограды» (из Речи, произнесенной Президентом Академии Российской в торжественном годичном собрании // Славянский корнелов. СПб., 2002. С. 8, 12).

13 сентября 1824 г. Шишков писал Алексею Андреевичу Аракчееву следующее: «Если Библейские общества будут по-прежнему существовать и, проповедуя пользу и распространение в христианском государстве христианства, в самом деле умножать только ереси и расколы; если церковные книги для того, чтоб уронить важность их, будут с высокого языка, сделавшегося для нас священным, переводиться неведомо кем и как на простонародный язык, каким мы говорим между собою и на театре; если при распространении таковых переводов (разве для того только нужных, чтоб со временем не разуместь церковной службы или чтоб и обедни служить на том языке, на каком пишутся комедии), ещё, сверх того, с иностранных языков вместо наших молитв и евангельских нравоучений переводиться будут так называемые духовно-философские, а по настоящему их смыслу карбонарские и революционные книги; если, говорю, всё это будет продолжаться по-прежнему, то я министром просвещения быть не гожусь, ибо, по моему образу мыслей, просвещение, не основанное на вере и верности Государю и Отечеству, есть мрак и вредное заблуждение» (*Шишков А.С. Служба Отечеству: Записки. М., 2008. С. 418*). Разумеется гр. Аракчеев полностью согласился с А.С. Шишковым и поддержал его; «весьма справедливыми и дельными» назвал он суждения министра. Шишков же верно подметил, что попытки перевода Писания на русский язык, — «сильнейшее орудие революционных замыслов одержимых раскольников». Сегодня же наблюдения и охранительная работа двух великих государственных мужей России представляются очень и очень злободневными. А усилия «одержимых раскольников» в церковной ограде уже ринулись дальше: теперь и службу церковную они не только перевели на русский язык, но и подвергли сокращениям. И не дано этим «немца́ понять тонкую мелодию души русской, возносимую Господу на языке исключительно для разговора с Богом предназначенном; ибо кровь и плоть русская из рода в род несут в себе сокровенное знание языка церковнославянского, этого удивительного достояния нашей культуры, словно удаивающего (рядом с литературным русским языком) её богатство и роскошь. Что же касается языка русского, в последнее двадцатилетие он подвергся невероятной, небывалой, сопоставимой, да и то отчасти, лишь с большевицкой 20-х гг., агрессии. И теперь для нанесения смертельных ударов по языку (язык=народ) используются во всю валапок в средствах массовой информации, наукообразная терминология и прочий заокеанский лингвистический мусор.

разум не только не был в состоянии выразить общечеловеческую принадлежность, но и не был в силах подготовить это выражение. Это уж слишком обидно!» (Курсив наш. — Н.М.).

Такое умное суждение знаменитого нашего писателя врезалось в моей памяти. С удовольствием передаю его читателю»⁸.

М.П. Погодин. «Замечательные слова Ломоносова, Сумарокова и Пушкина»^{7*}.

«Какой-то знатный неуч хотел пошутить над происхождением и первыми занятиями Ломоносова, и спросил его с насмешкою: какая разница между лососем и лососиной? Такая же, отвечал Ломоносов, какая между дураком и дурачиной. (Слышал от графа Д.Н. Блудова^{8*}).

Сумароков за столом у историка князя Михаила Михайловича Щербатова, видно недовольный его обедом, сказал кому-то: хорошо, если бы часть его Истории была короче, а блюда длиннее. (Слышал от князя Д.М. Щербатова^{9*}).

Пушкин не пропустил никогда в Одессе заутреню на Светлое воскресенье и звал всегда товарищей «услышать голос русского народа» (в ответ на христосование священника: воистину воскрес!). (Слышал от А.Н. Раевского^{10*}).

Кстати о Пушкине — расскажу анекдот, рассказанный мне Гоголем и известный ещё прежде, кажется от самого действовавшего лица. Около Одессы расположена была батарейная рота и расставлены были на поле пушки. Пушкин, гуляя за городом, подошёл к ним и начал рассматривать внимательно одну за другою. Офицеру показались

его наблюдения подозрительными, и он остановил его вопросом о его имени. — Пушкин, отвечал он. — Пушкин! воскликнул офицер. Ребята, пали! — и скомандовал торжественный залп. Весь лагерь встревожился. Сбежались офицеры и спрашивали причины такой необыкновенной пальбы. — В честь знаменитого гостя, отвечал офицер: вот, господа, Пушкин! — Пушкина молодежь подхватила под руки и повела с триумфом в свои шатры праздновать нечаянное посещение^{11*}.

Офицер этот был Григоров, который после пошёл в монахи и во время монашества познакомился со мною, приезжая из своей Оптиной пустыни в Москву для издания разных назидательных книг, что он очень любил. Мне доставил он много примечательных автографов и несколько рукописей. Кажется, сам он рассказывал мне описанный случай, если не кто другой, — но я его знал уже, когда Гоголь, воротясь из последнего неоконченного своего путешествия в Малороссию, повторил мне этот рассказ, по поводу внезапной смерти Григорова, от которого незадолго он получил письмо и не застал его в живых по приезду в Оптину пустынь»⁹.

Не менее интересны и достойны всякого внимания пушкинские воспоминания-зарисовки, принадлежащие людям простого звания; они немногословны, и подчас вызывают улыбку, но чудные, милые, какие-то задушевные чёрточки прибавляют к живому портрету А.С. Пушкина.

Во-первых, это, конечно, знаменитая выдержка из «Дневника Ивана Игнатьевича Лапина». Сей замечательный и занимательный документ жизни

⁸ Н. А.Б. Воспоминание о Пушкине // Цявловский М.А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931. С. 309–310.

^{7*} Михаил Петрович Погодин (1800–1875) — выдающийся русский историк, общественный деятель, профессор Московского университета. Настоящая заметка Погодина впервые напечатана в журнале «Москвитин». 1855. № 4.

^{8*} Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) — известный государственный деятель царствования императора Николая I.

^{9*} Князь Дмитрий Михайлович Щербатов (1760–1839) — полковник, сын историографа М.М. Щербатова.

^{10*} Александр Николаевич Раевский (1795–1869) — сын Н.Н. Раевского старшего, полковник, друг и «демон» Пушкина.

^{11*} Анекдот сей в своё время был достаточно широко распространён. Цявловский сообщает, что он рассказан ещё Львом Арнольди в очерке «Моё знакомство с Гоголем» (Русский вестник. 1862. Т. XXXVII), затем перепечатан в его же заметке «Пушечная пальба в честь А.С. Пушкина» (Петербургские тайны. Литературный сборник. СПб., 1872) и Ал. Ксюниным «Последние дни Л.Н. Толстого в монастыре» (Новое время. 1910. № 12466 от 24 ноября). «У Арнольди в обоих случаях передаётся рассказ, слышанный от Гоголя... Ксюнин передаёт кратко рассказ монаха Оптиной пустыни о. Эраста о встрече Пушкина пушечной пальбой артиллерийским офицером Григоровым (в монашестве о. Порфирий)» (Цявловский М.А. Книга воспоминаний о Пушкине. С. 279. Примеч.). Пётр Александрович Григоров (1804–1850) — подпоручик конной артиллерии, по сведениям Цявловского, с 1834 г был послушником во Введенской Козельской Оптиной пустыни, в 1850-ом принял постриг, издатель писем задонского затворника Георгия и ряда других книг.

Между прочим, об этой истории рассказывает в своих воспоминаниях и А.О. Смирнова-Россет, но Цявловский почему-то о ней не упоминает. Равно как не говорит вообще о «Рассказах бабушки» в своей книге.

⁹ Погодин М.П. Замечательные слова Ломоносова, Сумарокова и Пушкина // Цявловский М.А. Книга воспоминаний... С. 277–278.

провинциального городка пушкинского времени (Дневник Лапина) был в начале XX столетия обнаружен и впервые опубликован и, собственно, введён в научный обиход историком-краеведом Л.И. Софийским. Сначала в своей книге «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем» (1912) он воспроизвёл как раз пушкинскую страничку из Лапина, которую потом цитировали многие пушкинисты, например, тот же М.А. Цявловский в «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826» (М., 1951). В 1915 г. в «Трудах Псковского археологического общества» (Вып. 11) почти полностью был опубликован дневник; и, наконец, в 1997 г., лишь в преддверии 200-летия поэта, появилось новое издание¹⁰, ставшее фактически переизданием материалов 1915 г. Автор дневника — молодой опочецкий мещанин, ровесник А.С. Пушкина. Итак, год 1825, запись от 29 мая: «В Святых горах был о 9 пятнице и ехал довольно счастливо, потому что в Свешниковом бору дождалась меня Аннушка М., с коей я, почти не разлучаясь, доехал до Рождественского погоста; торговал же в продолжение ярманки 200 руб. с небольшим. И здесь я имел счастье видеть Александру [sic] Сергеича г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одежною [одеждою], а например: у него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубою ленточкою, с железною в руке тростию, с предлинными черными бакенбардами, которые более походят на бороду; также с предлинными ногтями, которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом, я думаю — около 1/2 дюжины»¹¹.

В свой свод воспоминаний о Пушкине Цявловский среди прочего включил отрывок из статьи Н.А. Лейкина «Из Москвы»; то был, по сути, репортаж, говоря сегодняшним языком, о Пушкинских торжествах в Москве в связи с открытием всенародного памятника поэту. Опубликован этот мате-

риал был в «Петербургской газете» 8 июня 1880 г., № 111. За день до этого Лейкин телеграфировал в редакцию, что в Москве нашли старичка, который некоторое время был камердинером Пушкина. «Дума хочет выдать ему щедрое пособие. Все относятся к нему благосклонно. Старичок много рассказывал новых фактов о Жуковском и Карамзине»¹². Именно рассказ «старичка» о Пушкине и есть предмет нашего интереса. «Это камердинер Никифор Емельянович Федоров, старик лет 85-ти... Личность поистине интересная и может служить своими рассказами для пополнения биографии Пушкина многими деталями. На вид Никифор Федоров ещё очень бодр, держится прямо и даже умеренно сед. Он помнит всех писателей, составлявших в то время Пушкинский кружок, называет их поименно, — так характеризует автор самого рассказчика, а далее следует повествование Федорова. — «Вот уж подлинно труженик-то был Александр Сергеевич! Бывало, как бы поздно домой ни вернулся и сейчас писать. Сядет это у себя в кабинетике за столик, а мне: 'иди, Никеша, спать': Никешею звал. И до утра всё сидит. Смерть любил по ночам писать. Станешь это ему говорить, что мол вредно, а он: 'не твое дело'. Встанешь это ночью, заглянешь в кабинет, а он сидит пишет и устами бормочет, а то так перо возьмёт в руки и ходит, и опять бормочет. Утром заснёт и тогда уж долго спит. Почти 2 года я у него выжил. Поступил к нему в 31-м г. к холостому в Москве, при мне он и сватался к Гончаровой, при мне и женился»^{12*}. Потом переехали в Петербург, а оттуда в Царское Село. Лимонад очень любил. Бывало как ночью писать — сейчас ему лимонад на ночь и ставишь. А вина много не любил. Пил так, то есть средственно, но чтоб ошибаться — ни Боже мой, никогда. И не отпустил бы он меня от себя никогда, да господа меня потребовали. Крепостной я человек был г. Засецкого. Жалели очень меня, выкупить хотели. Тысячу рублёв ассигнациями они за меня барину-то сулили, да не отдал. Я и на свадьбе

¹⁰ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. Псков; Сельцо Михайловское, 1997.

¹¹ Там же. С. 135–136.

¹² Лейкин Н.А. Из Москвы // Цявловский М.А. Книга воспоминаний... С. 290.

^{12*} Пушкин сделал первое предложение Н.Н. Гончаровой в конце апреля 1829 г. (через гр. Ф.И. Толстого), затем вторично писал об этом матери невесты Н.И. Гончаровой письмо в начале апреля 1830 г., а 6 апреля 1830 г. сделал формальное предложение; обручение было 6 мая 1830 г., а свадьба [венчание] — 18 февраля 1831 г. в Москве. Из Москвы он уехал с женой в Петербург около середины мая 1831 г. и в Петербурге находился с 18 по 25 мая 1831 г., когда переехал в Царское Село (примечание М.А. Цявловского — см. указ. соч. С. 291).

у них был. Князь Юсупов^{13*} их в посаженных-то отцах благословляли. Это от Гончаровой значит. То есть вот так их помню — как будто сейчас перед глазами»¹³.

Удивительным, непостижимым образом в душе русской напечатлевается *живой* Пушкин (быть может, в этом и есть его тайна воздействия на нас), даже и у тех, кто никогда не видел его, но только слышал о поэте, читал и знает его творчество, кто бывал в Михайловском, Болдине, на Мойке, в Царском, Торжке... кто приходит к памятнику на Страстной, кто не только родился в России, но живёт русским духом.

«Теперь нет Пушкина! Кто не видал Пушкина, не увидит его! Но в душах избранных хранится, как святыня, созерцание духовного лика поэта», — писал в 1839 г. М.Н. Катков¹⁴. Народная память о Пушкине свидетельствует, что таких избранных оказалось немало. А уж те, кто восстанавливал родовое гнездо поэта — Михайловское, и сам С.С. Гейченко, и его сотрудники прямо-таки сжились с Пушкиным, будто бы перенесли в ту далёкую эпоху, аромат которой так ощутим здесь, на Псковщине, будто бы *воскресли* поэта для потомков. Рассказы же простолудинов суть свидетельства того, что *маленькие* люди по-своему пронесли сквозь время это светлое имя *Пушкин*^{14*}.

Один из таких незатейливых сказов, но уже из нашего времени, приводит С.С. Гейченко в повести «Михайловское». В главе «Хранительница Михайловского» он повествует о псковской крестьянке Александре Фёдоровне Фёдоровой;

которая была даже неграмотной, когда поступила на службу в музей. «Она тогда поняла, что служить в доме Пушкина и быть неграмотной — нельзя, что хранить пушкинский дом — это значит не только оберегать его, ценить, любить, но и понимать его и тех, кто приходит сюда, в гости к Пушкину... Заботливым дозором ходила она по усадьбе, по комнатам Пушкина, всегда знала, где, что и как. Её простые речи наполняли наши сердца отрадой... По утрам, приведя дом в порядок, любила она садиться в извечной позе русской крестьянки у окна самой памятной комнаты — кабинета — и что-нибудь рукодельничала... Бывало проходишь с гостями по музею и слышишь: “А ведь она у вас совсем как Арина Родионовна!” И действительно, она любила Пушкина и всё пушкинское — его бумаги, книги, вещи — особой, материнской любовью. В руках... тети Шуры... всегда было добро... По понедельникам дом Пушкина бывает закрыт для посетителей..., [но] всё равно экскурсанты приходят и стучатся в двери. Если приходят люди добрые, вежливые — старушка согрешит и впустит их в музей, только скажет: “Сейчас всё прибрала... Снимайте сапоги, идите уж быстрёхонько”. И её слушались и, сняв обувь, смиренно входили в дом Пушкина, словно в храм. Она обладала чудесным даром останавливать время. Говорила — словно Священное Писание читала, — такими тёплыми красками рисует автор портрет той славной престарелой крестьянки, которую уж давно Господь принял в селения праведных. — Проводя людей по комнатам, давала пояснения. Это не было экс-

^{13*} Кн. Юсупов Николай Борисович (1750–1831) был при Екатерине II посланником в Турине, при Павле I сенатором и министром уделов, при Александре I членом Государственного Совета. Ему посвящено стихотворение Пушкина «К вельможе» (примечание М.А. Цявловского — см. указ. соч. С. 291).

¹³ *Лейкин Н.А.* Из Москвы... С. 288–289.

¹⁴ *Катков М.Н.* Отзыв иностранца о Пушкине // Солнце России: Русские писатели о Пушкине. М., 1999. С. 325.

^{14*} Как верно подметил С.С. Гейченко: «Чудесный мир пушкинского творчества стал неотъемлемой частью нашего чувства Родины...» (*Гейченко С.С.* Пушкин в Михайловском. М., 2007. С. 140). В 1924 г. Президент Академии наук СССР А.П. Карпинский предложил проводить в Михайловском ежегодные пушкинские торжества. Но впервые широко отмечалось в Святых Горах 100-летие рождения поэта, в 1899 г., а ещё прежде, в 1896 г., здесь была открыта богадельня и читальня им. А.С. Пушкина, причём называли её «крестьянским памятником на могиле Пушкина», ибо создана она была по инициативе и на средства тамошних крестьян, волостной сход ежегодно выделял по 217 руб.; и конечно же на пожертвования: интересно, что и св. прав. Иоанн Кронштадтский прислал 100 руб., а книги для библиотеки преподнёс Московский комитет грамотности. В год 100-летия Пушкина сын его Александр Александрович, генерал-лейтенант был пожалован орденом св. равноапостольного князя Владимира II степени; дочери поэта Марии Александровне Гартнунг назначена пенсия в 3000 рублей в год. Умерла она от голода в 1919 г. Москве, оставшись совершенно без средств. В Святых Горах на праздновании столетия Пушкина были его сыновья Александр и Григорий, племянник Лев Павлицев, множество почётных гостей; храм был переполнен молящимися, окрестности наполнялись гулом бесчисленных толп народа, стекавшихся на торжество. И не ошибёмся, если скажем, что ни один хозяин не видал в своём доме столько гостей, сколько пришлось принять (принимает и по сей день) А.С. Пушкину — не один десяток миллионов...

курсией. *Это была народная сказка про Пушкина.* Без всякого вступления начинала она сказывать нараспев: «Здесь Пушкин мучился за всех ровно два года и один месяц. Здесь всё его. *И хоть самого его сейчас нетути и он незрим, всё он видит* — кто и зачем сюда пришёл, кто подобру-поздорову, поучиться уму-разуму, а кто собой полюбоваться, в зеркало посмотреться да в речке искупаться... Он, Пушкин, всё любил, в чём есть жизнь, и обо всём этом писал в своих книгах. *Теперь все идут к Пушкину, потому что его творенья охраняют людей от дурного, очищают душу. Его дом для теперешних людей стал тем, чем раньше был для тогдашних храм.* Ежели тебя, скажем, что волнует и нет у тебя доброго советчика — иди к Пушкину, он укажет на истинного друга, удержит от злого обстояния, даст верный совет, и ты возрадуешься и возвеселишься. Только хорошенько подумай, что тебе нужно, а потом спроси у Пушкина и получишь все ответы в его книгах...» В комнате няни, — продолжает Гейченко, — она обычно читала наизусть письма Арины Родионовны к Пушкину из Михайловского. В устах рассказчицы они звучали особенно задумчиво, казалось, она читала не нянино, а своё: «За все Ваши милости мы всем сердцем Вам благодарны, Вы у нас беспрестанно в сердце и на уме»¹⁵ (Курсив наш. — Н.М.).

Да, беспрестанно — в сердце и уме!

* * *

<...>

И в бронзе выкованной славы
Трясёшь ты гордой головой.

С.А. Есенин. «Пушкину»

Ликовала Россия! Пушкинские торжества 6 июня 1880 г. в Москве получили необычайный размах, волею императора Александра II праздник сделался всенародным; и никого из русских он не оставил равнодушным. По всей империи в тот день служили панихиды по Пушкине; по Высочайшему повелению приостановлены были занятия в гимназиях, училищах, школах, ибо ученики в храмах молитвенно вспоминали Поэта. Петербург, Киев, Харьков, Одесса, Кишинёв, Казань, Оренбург,

Пенза, Нарва, Рига, Тифлис, Варшава, Ейск, Псков, Святые Горы, Ливадия, Новороссийск, Тула, Орёл, Ярославль, Нальчик, Новочеркасск, Ставрополь, Николаев, Самара, Саратов, Царское Село, Петрозаводск, бесчисленные уездные города и веси нашего Отечества, — всё словно всколыхнулось, везде возносилась молитва о р. Божием Александре, все разом словно выдохнули это *Русское имя* — Пушкин.

К тому моменту уж давно сбылись пророческие слова дивного гения:

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык...

Ликовала Москва! Более 100 тысяч собралось в окрестностях Тверской, Страстного монастыря, на Тверском бульваре; обыватели взбирались на крыши, сидели на деревьях^{15*} — всем хотелось стать свидетелями «чудного мгновения», когда падёт покров с памятника, обнажив превосходное творение А.М. Опекушина.. На самую площадь было допущено всего 5000 человек, подходы к ней были перекрыты. Но после торжественной церемонии и возложения бесчисленных венков, ограждения были сняты, и поток людской хлынул к памятнику Поэта; многие норовили унести кто цветочек, кто веточку или лепесток на память о Пушкине. Таким манером был разобран не один десяток венков, но всё же у подножия памятника цветы не оскудевали...

Мысль о сооружении памятника Пушкину уже в 50-е годы витала в воздухе, и, наконец, в 1860 г., декабря 14 дня министр внутренних дел С.С. Ланской подписал документ об открытии повсеместной подписки для сооружения памятника А.С. Пушкину, достойного народной славы. Честь же открытия подписки принадлежала лицеистам. Именно их предложение о сооружении памятника поэту через директора Лицея Н.И. Миллера было представлено принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому^{16*}, который и изложил вопрос императору Александру II. Император начинание одобрил. Сооружение памятника предполагалось в Царском Селе. Подписка началась в январе 1861 г.,

¹⁵ Гейченко С.С. Михайловское. С. 90–94.

^{15*} В домах, соседних со Страстной площадью, предприимчивые хозяева сдавали места у окон за 25–50 руб. А те, кто отбыл на летние дачи, поспешали вернуться в город, чтобы стать свидетелями торжества.

^{16*} С 1 января 1844 г. лицей был передан в ведение принца, переведён из Царского Села в Петербург и именован Александровским.

министерство финансов приступило к регистрации пожертвований. Особенно дороги в подписных листах свидетельства, в буквальном смысле слова, «о бедной лепте вдовы» — простые люди жертвовали кто по полушке, семишнику, алтыну, кто по 5, 6, 10, редко — по 20 копеек... 20 марта 1871 г. всё же окончательно было решено соорудить памятник в Москве, на родине поэта, на то последовало Высочайшее изволение. В 1873, 1874 и 1875 гг. были проведены три конкурса на лучший проект памятника. Как известно, первое место в этом соревновании занял А.М. Опекушин^{17*}. Пушкинский монумент он считал своим самым душевным творением.

Памятник Пушкину стал одной из священных вертикалей Москвы. Вместе с седым Кремлём и колокольней Ивана Великого, соборами Василия Блаженного и Казанским и храмом Христа Спасителя, Иверской и древними стенами Китай-города, памятниками императору Александру III, генералу Скобелеву вместе со Страстным монастырём, колокола которого первыми возвестили о изгнании наполеоновских варваров из Москвы... он стал вечным символом вечного города.

Пушкинские торжества 1880 г. продолжились в Императорском Московском университете и в Благородном Собрании. Там произносили речиславословия Тургенев, Достоевский, Островский, Аксаков, Гончаров и Майков, Григорович, Ключевский, Полонский, Кони, Суворин и Сытин, Плещеев, Полонский ...

Но прежде, после панихиды в Страстной иконы Божией Матери соборе Страстного монастыря, Слово о Пушкине произнёс святитель Макарий (Булгаков), митрополит Московский, возблагодаривший Творца за рождение Русского Народного Поэта. «Ныне светлый праздник русской поэзии и русского слова. Россия чувствует торжественно знаменитейшего из своих поэтов открытием ему

памятника. А Церковь отечественная, освящая это торжество особым священнослужением и молитвами о вечном упокоении души чествуемого поэта, возглашает ему *вечную память*.... А тебе, Москва, град первопрестольный, естественно ликовать ныне более всех: ты была родиною нашего славного поэта; на одной из твоих возвышенностей воздвигнут в честь его достойный памятник, и под твоим гостеприимным кровом совершается ныне сынами России, стекшимися к тебе со всех сторон, настоящее торжество. Мы чествуем человека-избранника, которого Сам Творец отличил и возвысил среди нас необыкновенными талантами... Мы чествуем не только величайшего нашего поэта, но и поэта нашего народного, каким явился он если не во всех, то в лучших своих произведениях. *Он отозвался своею чуткою душой на все предания русской старины и русской истории... Он глубоко проникся русским духом и всё, воспринятое им от русского народа, перетворив своим гениальным умом, воплотил и передал тому же народу в сладкозвучных песнях своей лиры, которыми и услаждал соотечественников, и незаметно укреплял в чувствах патриотизма и любви ко всему родному*»¹⁶ (Курсив наш. — Н.М.).

Тогда Пушкин соединил всех. Народ в те дни явил своё подлинное величие в единении своём: от государя до последнего нищего — все славили Великое Отечество наше, ибо Пушкин есть воплощение России, не только личностное, но и *родовое*, ибо кровь Рюрика текла в его жилах, кровь святых равноапостольных кн. Ольги и вел. кн. Владимира, Владимира Мономаха и Юрия Долгорукого, Всеволода Большое Гнездо, св. благоверного кн. Александра Невского... ибо Пушкин есть явление Божественное, подлинное создание Творца, подарившего Поэту свои сокровенные тайны¹⁷. Те дни в Москве словно бы напомнили нам о поседевшем завете преп. Сергия, срубившего на Маковце цер-

^{17*} Сын крепостного крестьянина — великий скульптор, действительный член Императорской академии художеств, член Археологической комиссии, автор памятника Пушкину, возле которого плакал Тургенев, прощаясь с Россией; автор многочисленных памятников государю императору Александру II и знаменитого монумента Александру III у храма Христа Спасителя, гонимый большевиками, умер с голоду в нищете на родине, в Ярославской губернии. Похоронили его скромно, тихо на семейном участке кладбища села Рыбницы, возле Спасской церкви. В 1953 г. на могиле был установлен бюст работы ярославского скульптора А.И. Соловьёва, а в начале 70-х гг. появилась плита со скромной надписью: «Скульптор академик Александр Михайлович Опекушин. 1838–1923».

¹⁶ Речь на открытие памятника Пушкину, сказанная после панихиды о нём Высокопреосвященным Макарием, митрополитом Московским и Коломенским, в главной церкви Страстного монастыря 6 июня 1880 г. // Дар: русские священники о Пушкине. М., 1999. С. 57–58.

¹⁷ См.: *Черкашин А.А.* Тысячелетнее древо Пушкина.

ковку во имя Живоначальной Троицы, — дабы воззрением на Оную преодолевалась ненавистная рознь мира сего — завете о всерусском *православном* единении!

В год столетия кончины А.С. Пушкина в далёком Харбине владыка Нестор, архиепископ Камчатский и Сеульский писал следующее: «Среди мучительных переживаний современности, когда наша Родина стонет под тяжким гнётом, а мы, её изгнанники, едим горчайший хлеб изгнания в нищете и унижении... радостно вдруг осознать, не разумом только, но сердцем почувствовать, что вопреки всем унижениям, всякому презрению... всё же принадлежим мы к великому, к величайшему в мире народу.

А это чувство, это неоспоримое сознание никто в нас не будит так ясно, так ярко, как именно Пушкин...

И недаром с именем Пушкина в дальнейшей истории Русской мысли так связаны крупнейшие переломные моменты оживления и пробуждения национальных светлых чувств. Таким моментом было торжество открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 г., когда огненным словом Достоевского, именем Пушкина Русское общество оказалось пробужденным от чар интернациональных и революционных бредней и вдруг почувствовало себя снова Русским, православным, облечённым высшим духовным призванием. Быть может, это духовное пробуждение отсрочило на сорок лет нашу тяжкую катастрофу и дало много здоровых ростков в Русской душе, не умерших и доселе»¹⁸.

Такая же вспышка народного духа у памятника Пушкину, уже в плененной России, свершилась 31 декабря 1925 г., когда Русь провожала к последнему земному приюту Есенина.

В 1924 г. там, на Тверском, он сказал своё вдохновенное слово Пушкину:

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

¹⁸ Нестор (Анисимов), архиеп. Пушкин и современность // «В краю чужом...». М.; Рыбинск. 1998. С. 41.

¹⁹ Есенин С.А. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М., 1970. С. 185.

^{18*} С 1926 г. произведения Есенина были запрещены в течение 29 лет. После его смерти началась борьба с «есенинщиной» со всеми, кто, по выражению Троцкого, был «несроден» новой власти. Известны факты, когда за хранение и чтение стихов Есенина выносились строгие партийные и комсомольские взыскания, учащиеся и студенты исключались из школ и институтов. Но, как точно подметил Ю.Л. Прокушев, творчество Есенина сохранил народ. 13 августа 1937 г. был расстрелян арестованный по приказу Якова Агранова сын Есенина и Анны Изрядновой Георгий, талантливый русский поэт, внешне очень похожий на отца. Он был обвинён в причастности к «фашистской группе» и расстрелян через 20 минут после зачитания сфабрикованного приговора.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясёшь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обречённый на гоненье,
Ещё я долго буду петь...
Чтоб и моё степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть¹⁹.

Но, увы, слишком быстро, менее чем через год, умолкла лира поэта^{18*}.

Огромная толпа москвичей собралась на Каланчевской площади у Николаевского (Ленинградского) вокзала 30 декабря. Гроб с телом растерзанного поэта ожидали тысячи людей; катафалк сопровождали до здания Дома печати. «Тело великого русского национального поэта Сергея Есенина поκειται здесь», — гласила надпись на белом транспаранте, сделанная палачами поэта. День, вечер, ночь — до самого утра сюда шли люди проститься с Есениным. 31 декабря по Никитскому бульвару скорбный ход направился на Страстную площадь, к Пушкину. Трижды вокруг памятника был обнесён гроб с телом Есенина... И это удивительное *крестное обношение*, так созвучное душе русской (вкруг храма, прощаясь, обносят), навсегда *остановилось* в памяти народной — такое свершилось единоразы в нашей истории. Тьмы и тьмы шли за гробом Есенина... Так прощалась Россия 1 февраля (ст.ст.) 1837 г. в Петербурге с Пушкиным.

Но ушедшее живёт в народе таинственно, каким-то чудом подавая самому простому сердцу паразитические откровения.

Одно из таких передаёт, думаю, совсем не помышляя об этом, русский художник Константин Коровин, вспоминая о своём подручном, Василии Белове, и желая представить скорее интеллигентски смешливую картинку; однако отнесёмся к рассказу внимательно.

«После спектакля в Большом театре я наверху, в огромной мастерской писал декорацию к опере “Руслан и Людмила”. Старший мастер Василий Белов составлял колера в больших тазах...

– Кто, – спрашиваю я, – сочинил “Руслана и Людмилу”? Знаешь, Василий?

Василий Белов так серьёзно посмотрел на меня и по-солдатски ответил:

– Этот самый Пушкин, что с Тверского бульвара. От Страшного монастыря.

– Это памятник ему – говорю я.

– Знаем, сочинитель. *Его вот застрелили...*

– Зря, – говорю я, – дуэль была.

– Эх, да, – сказал Василий, рукой взял себя за рот и так значительно серьёзно сказал: – *Ну да, скажут вам... Господа-то не скажут правду-то... а мы-то знаем... Он такие песни зачал сочинять, прямо вот беда... Ну, и вот его за это шабаш...*

– А ты знаешь, что он написал? Ну, хоть одну песню.

– А как же, – ответил Василий. – Нас училка в деревне всех выучила:

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
“Тятя, тятя, наши сети
Притащили мертвеца”.

Эх, ловко это она научила. *Под её теперь у нас, парни, девки, кадрили танцуют.* – “*И в распухнувшее тело раки чёрные впились...*” Ловко как-во! А вот отчего он без шапки стоит, знаете ли вы? – вдруг спросил меня Василий и, смотря на меня, прищурил хитро один глаз.

– Нет, не знаю, – удивился я. – Отчего?

– *А вот потому и голову наклонил, и без шапки, значит, снял, и говорит, значит: “Прости, говорит, меня народ православный...”*

– Что ты, Василий, кто тебе это сказал?

– Чего сказал... Там написано, на памятнике сбоку.

– Да что ты, Василий, где? Там это не написано...

– Нет, написано. Слух пройдёт по всему народу, вот что. А ты уж смекай, как знаешь.

Двадцать лет со мной работал Василий Белов... Я ценил его... Но ничего с ним не поделаешь: на всё у него был свой взгляд. *Особенный уверенный*²⁰ (курсив мой. – Н.М.).

Да, воистину глас народа – глас Божий.

Вот и задумаешься – да, *за песни* – и Пушкин, и Лермонтов, и Есенин... «за это шабаш».

© Масленникова Н.В., 2009

²⁰ Коровин К.А. «Этот самый Пушкин...» // Легенда о счастье. М., 1987. С. 166–167.